

Руфина Яковлевна приоткрыла дубовую дверцу буфета и достала «Павлина» – любимую чайную пару сына.

– Из всех Мордуховичей только ты, Боренька, и остался в фаворе, – задумчиво проговорила она, наклонив заварник над серебряным ситечком и добавила, – только всё равно не при деле, – заглянула в лицо, словно бы в надежде, что сын возразит. И не дождавшись, добавила, – я всё в толк не возьму, чем ты занят там, в профсоюзках. Покойный твой батюшка их не очень и жаловал...
– Ну, когда это было...
– По мне, так и недавно совсем.

– Теперь, матушка, время такое, что год за десять идёт. Вот вы всё удивляетесь, как это профсоюз купили особняк Гиллера на Большой, а ведь и покупать не понадобилось – они в этот особняк просто въехали. Потому что нынче не покупают, а получают, не продают, а распределяют. В сущности, этот диалог повторялся каждую неделю, и Руфина Яковлевна силсилась ухватить скрытый смысл невероятных вещей, к которым привык её младшенький. И не могла. Её сознание оставалось в довоенном ещё Иркутске, когда торговая фирма Рубановичей-Мордуховичей уверенно набирала обороты, и всё было у неё хорошо. Дворорянский брат Руфины Яковлевны, коммерсант, имевший торговлю в Петербурге, как-то остановился проездом – и очень порадовался:

– Захожу в магазин, а там сплошные Мордуховичи: и пожилые, степенные, и средних лет, и совсем ещё мальчуганы. И ведь все при деле: один режет батист, другой бархат принимает, третий отъезжает за товаром, да всё так ладно!
– Ребята славные, трезвенники, – согласилась она, – только вот записались зачем-то в велосипедное общество. Несоволидно. А денег-то сколько уходит на эти колёса: они ведь там, за Ангарой, и циклодром свой устроили...
– Уж лучше на циклодром, чем за картонные столы или в рестораны! Радостные надо, сестрица, что они такую невинную игрушку выбрали. – Племянники же на прощание сказал коротко – Спокойно тут у вас, а у нас-то заматает уже, не знаешь, куда и вынесет. Надобно понемногу приспосабливаться к неизбежному, видимо, переменам!
Однако мало у кого получились приспособиться: большинство затерялось в отдалённых местах. А Руфина Яковлевна Мордухович, хоть осталась на прежнем месте, затворилась и из дома не выходила уже. Только время от времени осторожно спрашивала сына Бориса.

Закрыли. Отодвинули. Дали другое имя

К примеру, принёс он вчера новенький телефонный справочник за нынешний, 1929 год, а она полистала и между прочим обрела:
– Что, теперь всюду первым номером окружной прокурор?
– У нынешнего прокурора фамилия с первой буквы алфавита – Абрамов, – сын немного подумал и добавил светлой краски. – А если вы посетите абонентов по порядку номеров, то увидите: два первых отанды университету; и только потом уж идут телефоны окружного исполкома, штаба стрелковой дивизии. Думаю, это – неплохо: Иркутские так давно мечтали об университете, и нынешняя власть его выдвигает на первый план.
Руфина Яковлевна ещё полистала справочник:

Упрощенное время

Экскурс по страницам иркутского телефонного справочника за 1929 год

Смена государственного строя отразилась на всём, в том числе и на иркутских справочных изданиях

– На Большой теперь и милиция, и краевое ГПУ со всем своим дивизионом...
– Да, здесь у них служба – здесь же и квартирки, – не удержался Борис. – Только председатель горсовета Карин отчего-то проживает в предместье, ну а остальные все тут – это, значит, чтобы по дороге на службу силу не растерять...
– А куда же они дели прежних хозяев квартир? А магазины с зеркальными витринами, скейтинг-палас, «Гранд-Отель» – это где теперь?

– Скейтинг закрыли, и давно уж. Гостиницы передвинули; в последний раз я видел вывески «Модерна» и «Гранд-Отеля» на улице Троицкого. Кто такой Троицкий? Ну, это деятель такой, из новых. Я Вам как-нибудь о нём расскажу. А «Коммерческое подворье» у нас теперь именуется первой коммунальной гостиницей «Красная звезда». То есть от прежнего благопристойного заведения совсем уже ничего не осталось.
– А с городским музеем что сделали?
– Да, в сущности, ничего плохого: не закрыли, отнюдь, и экспонаты в сохранности. Одно только название и изменилось: то есть, раньше это был музей ВСОРОГО, а ныне – народоведческий. В Иркутске теперь и музей революции есть, – добавил не без язвительности, но при этом, что у Руфины Яковлевны затряслась голова, и вывернул в другую сторону. – Да пусть они называют их, как хотят, пусть хоть тридцать музеев откроют, лишь бы прагматичные при этом не закрывали.
– Прежде одних только японских было: «Тагуди», «Мори», «Сирайси», «Идей». Теперь же при услуга мне говорит, будто только одна и осталась. Врёт, я думаю.
– Нет, не врёт. У меня, матушка, впечатление, будто и не нужно уже никому ни крахмальных простыней, ни воротничков! У нас ведь и ясли только одни, а немецкие бонны в Иркутске теперь ни ногой. И адвокаты по-разбежались: на весь город их только пять. Помните, сколько

было у нас типографий, а в нынешнем телефонном справочнике я обнаружил лишь две, и обе – государственные. Но всего более изумляет, что на весь город четыре действующих инженера. Остальные, если и остаются в Иркутске, то, как видно, в пролетарии записались.
– Клубов, слышно, много теперь?
– И все как один – по профессиональному признаку. А самих профсоюзов и вовсе не меряно; уж на что я день денской продаю в этом самом «дворце труда», а всё путаются ещё называются сокращённо; вот, к примеру, соседи мои из окружного бюро пролетарского студенчества именуется Пролетстудбюро.
– К чему же такая скоророговка?

– А удобно, матушка: всё на скорую руку. Прежде, если нам требовался котёл или, скажем, домашняя электростанция, ясно было, что нужно справляться у Плотникова или же Полякова; с них же и zvyšкивать, если что не так. А теперь ни с кого ничего и не спросишь, ведь как можно спросить с Ироккомплана, НКПиТа, Ироккрлита, Рабиса, централкоопла и сотворгслужа? Хотя, может, благодаря таким путаным аббревиатурам и затерялся с моим прошлым в советских профсоюзках? – он задумался. – Сколько ни вертел я вчера этот новый справочник, ни одной знакомой старорежимной фамилии не нашёл!
– Ты Лейбовича не заметил, Борис. Вот, посмотри: среди домовладельцев улицы Бабушкина. Где такая находится-то?
– Это ж бывшая Зверевская. А Пестерёвскую переименовали в Урицкого. Кто такой Урицкий? Ну, это долго рассказывать, матушка, да и неприятно. Третью Солдатскую переименовали в Третью Красноармейскую, Семеновскую – в Гершевича (о нём тоже потом как-нибудь). А вот Мильниковскую и Сукачёвскую оставили, и из этого заключаю, а в городском совете рабочих и красноармейских депутатов ещё много людей приехжих, не понимающих, что это за фамилии.

– А в усадьбе-то Сукачёвской что теперь?
– Слышал я, что хотели туда вселить семью красных командиров. Потому что центр уже занят весь. К примеру, на 3-й Красноармейской проживает Гершевич-младший, а наискосок от него – Гершевич-старший. У обоих братьев стоят на квартирах служебные телефоны, и в телефонном справочнике они рядом, под общей приставкой «ГОС». Это, матушка, сейчас главная из приставок, потому что она означает победу государственного над частным. Не окончательную, конечно, поэтому и осталась я здесь и отсиживаюсь, как в кустах, в профсоюзках. А кто не верит – тот и уехал. Кстати, знаете, кого

я сегодня повстречал на Большой? Господина Швабе, бывшего механика и оптика двора его императорского величества!

Томлёной стали не желаете?

На переходе через улицу Карла Маркса Борис обратил внимание на идущего впереди худощавого господина с характерной походкой (казалось, одна нога была короче другой). Остановился тот у бывшего магазина Швабе, считавшегося когда-то самым крупным в Сибири собранием оптических, химических, геодезических и хирургических инструментов и аппаратов. Так оно, видимо, и было, ведь ни в каком другом городе не прожилось такого количества инженеров и докторов, проводящих сложные операции. Находились и немало ценителей подзорных труб, полевых биноклей, электробритв лучших английских фирм. Рядом с витринами располагалась и мастерская для исправления инструментов. Она же при необходимости принимала заказы на изготовление протезов, корсетов, бандажей. Борис Мордухович ещё гимназистом стал захаживать сюда, и вот ведь что удивительно: ни один из приборов до сих пор не потребовал починки; не далее как вчера жена вспоминала добрым словом механика Швабе.
«В прежней жизни это был жизнерадостный господин с пышными усами и нежной кожей, совсем как у женщины, – Мордухович оглядел незнакомца, – но, в общем, вобщем, его можно ещё разглядеть в сегодняшнем полустарце. Неужто у него снова были на этот город? Нет, вряд ли. Ну, а вдруг?» – Мордухович подумал и пошёл вслед за Швабе, направились в сторону Амурской. На пересечении с 5-й Солдатской он остановился, взглядев в угловое здание. Мордухович догадался: ищет старую вывеску «Modes de Paris». Мадам Ромбах, выйдя замуж за одного из иркутских Шнейдерманов, привезла из Парижа четырех француженок-мастериц, превосходные ткани – и арендовала помещение, выходящее окнами на Большую. В Иркутске до сих пор помнили её «Modes de Paris», хоть давно уже это место занимала кофейная Квисисана – единственное на улице место, отведённое новой властью под отделение. Мордухович однажды попробовал здесь перекусить, но одного лишь взгляда на скамеечку хватило, чтобы навсегда отказаться от этой мысли и питаться исключительно дома, а по праздникам и воскресеньям – «с матушкиной руки». И сегодня, увидев, как Швабе скривился за дверью кофейни, он невольно передёрнулся. Впрочем, оптик-

механик не задержался там и минуты. И, выходя, столкнулся с Мордуховичем лицом к лицу.
– Не знаю, но лицо очень-очень знакомое, – Швабе поклонился и улыбнулся растерянно. – Но странно: время совсем не сказало на Вас.
«Голос, голос у него совершенно тот же, – торопливо подумал Борис, в слух заметил:
– Я из младших Мордуховичей и теперь срываюсь с отцом, каким Вы его запомнили. А на лицо-то мы, Мордуховичи, очень схожи, – и первым рассмеялся.
Они вместе прошли до набережной и преслили на старенькую скамью.
– Промотрел сегодняшнюю «Власть труда» и, признаюсь, изумлён, – Швабе свёл досадливо брови, – нет ни одного объявления ни о сыре от «Рот Фер и К», ни о какао «Де Тонг», ни о раках, наконец! Раньше и касательно пива уточняли, пастеризованное или нет, пильзенское или баварское, а также какова степень свежести; теперь же пишут просто: есть пиво. Или: завезли ветчину. Но, позволите спросить, какую: московскую или вестфальскую? Помню, Виктор Фриммерман предлагал все масла в ассортименте

Духи от треста Жиркость

– В нынешних потребительских лавках ЦРК «Пролетарий» о качестве даже не говорят. Там вообще всё незатейливо до чрезвычайности: товара либо нет, либо он есть. То есть, есть просто сахар, просто мука и пр. Время наступило такое, упрощённое, и нам требуется свести комфортабельный быт до пролетарского минимума. Сделать резкий скачок назад – туда, где есть просто масло, просто валянки, просто шапки, а головные уборы ограничены шапкой и фуражкой. Одна трудовая артель в Иркутске так и назвалась: «Шапка и фуражка». Вот он, истинно пролетарский подход, безо всяких там шляпок, беретов, кеги. А известно ли Вам, что такие слова, как «золотой», «серебряный», «бриллиантовый» «ювелирный» вообще исчезают, их уже и в переносном смысле перестали употреблять. Зато очень востребованы «обрезки», «битая рогажа», «лоскут овчинный», «тряпьё всякое», «битое стекло», «копыта скотские и другие утильотбросы». То есть, пардон, «ценное сырьё для промышленности». Сотни, а может, и тысячи агентов разезжаются каждый день, чтобы хоть как-нибудь подпитать местную промышленность. Скупают уже в виде так называемых мыла, пудры, духов и одеколона. Часть безработных таким образом трудоустраивается, но нетрудно представить, что они смогут произвести без знания технологий и способности их применить. И эти духи, быстро-быстро приготавливаемые из колпаты, усиленно продвигаются и даже навязываются. То есть интересы «человека труда» ставятся много выше интересов потребителя. И если я не поддержу рублём пресловутый «ТеЖе» (трест Жиркость), то я, стало быть, против пролетариата! – Мордухович схватился за сердце. А передушив, спокойнее уже добавил – В общем, правильно сделали Вы, что уехали.
– Я не уехал – я сбежал, – Швабе нервно поморщился. – Кстати, часто встречал потом в Западной Европе своих прежних иркутских покупателей.
– Из ваших постоянных клиентов один только инженер Миталь и остался. Он, кстати, живёт неподалёку отсюда, на углу Басинской и Набережной.
– И как он: здоров?
– Да, вполне. До большого дела его, разумеется, не допускают, но разрешили преподавать в Восточно-Сибирском политехникуме. Он Вам будет рад, я уверен.

Казимир Войцехович, действительно, встретил гостя улыбкой. И после чая они с Швабе ещё прогулялись по городу.
Принимая и это
– Последствия гражданской войны ещё слишком ощутимы, конечно: в Иркутске четыре артели инвалидов, и даже по названию видно: не отошли от пережитого. Однако же, эти люди в отличие от нас, здоровых, способны действовать вместе. И безработные на бирже труда так же активно сколачиваются в группы; к примеру, десятка два металлостроителей прикрепилась к одной мастер-

В 20-е годы производство восстанавливалось медленно и было достаточно примитивным

и в объявлениях самым подробным образом перечислял: веретённое, полувазелиновое, целлюлозное, соляровое...
– И где теперь этот Фриммерман? – съёрничал Мордухович.
– И касательно железа подробно расписывалось: сортового, шпильное, угловое, листовое, обручное, котельное всех размеров...
– А теперь из железного лома получают так называемое «железо для труда».
– О стали писали: томлёная, яичничная, мартовская, инструментальная... К характеристике были прибавляли «лично мною опробованы и доставлены». И это ведь, в самом деле, было гарантией качества!

при исполнении ими обязанностей, привлекается к судебной ответственности по ст. 159 уголовного кодекса. А принадлежащий ему телефон выключается.
Захотим – и отключим!
Итак, перед нами полный набор постреволуционной лексики, от пренебрежительного «ты» до откровенного запугивания. Эти, не терпимые в культурном обществе вещи показывают, насколько изменился характер новых абонентов, получивших вместе с властью и служебный телефон. Нехватка элементарных знаний и просто невоспитанность привели к постоянным поломкам аппаратов и повреждению телефонной сети. Для таких абонентов приходилось то и дело повторять очевидное – под давлением страха и унижения. Составителям справочника, в большинстве своём выходящим из пролетарской среды, это, видимо, не претило. Но и они порою смущались и для отдельных страниц делали исключения: «Простят абонентов об осторожном обращении с аппаратами».

ОЖИВШАЯ ИСТОРИЯ

Не вводите барышню в заблуждение!

Как звонили в 1929-м

Сначала вызывалась центральная станция, и для этого нужно было сделать несколько быстрых поворотов рукоятки индуктора (не снимая трубку с рычага). Затем, приложив трубку к уху, следовало дождаться ответа «Центральная» и отчётливо проговорить нужный номер. Дождаться, пока телефонистка его повторит, скамандует «Опустите момент!» – и лишь после этого рассатываться с гривенником. Если же вызываемый абонент находился не на правом берегу Ангары, а на левом, после ответа центральной станции вызывалась подстанция, Иннокентьевская или же Привокзальная. И только потом уже вызывался нужный номер. После окончания разговора телефонистка известила дежурную телефонистку прерывистым сигналом (отбой). Если же сигнал выхо-

дил продолжительным, введённая в заблуждение телефонная барышня повторно выходила на связь.
Это должен был знать каждый:

Один телефонный разговор (пять минут) обходился в гривенник. Треск в телефонной трубке означал, что абонент занят. Если терялся (забылся) нужный номер, не помогало ни название организации, ни фамилия абонента, ни его адрес.

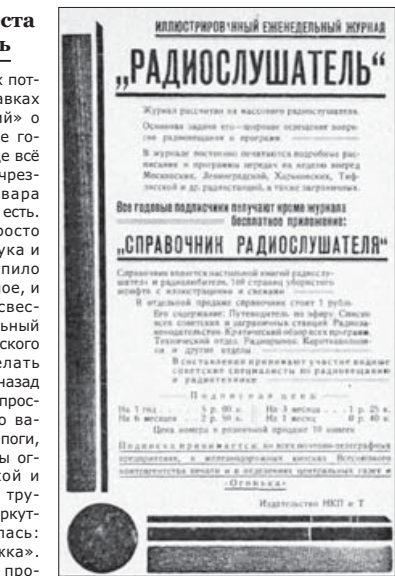
Всякая попытка вознаградить ремонтёра телефонной станции расценивалась как взятка, и обе стороны представляли перед судом. Установка телефона в квартире рабочего или служащего обходилась в 15 руб. 12 коп. В то время как лицам свободных профессий требовалось выложить уже 20 руб. А так называе-

мым лицам с нетрудовыми доходами и того больше – 35 руб. Абонентская плата также имела большие ножицы: 66 руб., 90 руб. и 120 руб. в год – в зависимости от социального положения. Так же различил и таксы для государственных, кооперативных и частных учреждений и предприятий. То, что плата за телефон не всем была по карману, показывал и справочник за 1929 год: в нём обозначены были свободные номера.
В 1919 году существовала и «Инструкция по произнесению». К примеру, число 50 требовалось озвучивать как полсотни, а 125 – как один, два, пять; 552 – как пять полсотни два, 976 – как девять семидесят шесть; 1009 – как десять ноль девять; 1154 – как одиннадцать полсотни четыре.

Вежливость тут совершенно излишня!
Общение с телефонной барышней не предполагало даже элемен-

тарной любезности: такие слова, как «пожалуйста», «здравствуйте» и даже утилитарное «соедините меня» расценивались как ненужные. Справочник за 1929 год в конце каждой страницы содержал жёсткий императив:
«На «Готово» от телефонистки ответа с твоей стороны не требуется! Когда телефонистка повторит произнесённый тобой номер, достаточно подтвердить его правильность словом «Да».
Говори только нужный номер, не произноси лишних слов! Не вступай ни в какие разговоры с телефонисткой: ей всё равно запрещено отвечать на них!
Не затрудняй телефонную станцию вопросом, кто вызывал – телефонистки не обязаны запоминать номера абонентов!
Подчеркни номер своей пожарной части и милиции и выпиши его на обложке!
В пререкания с телефонисткой не вступай ни в коем случае. Абонент, со стороны которого установлен факт оскорбления телефонисток

при исполнении ими обязанностей, привлекается к судебной ответственности по ст. 159 уголовного кодекса. А принадлежащий ему телефон выключается.
Захотим – и отключим!
Итак, перед нами полный набор постреволуционной лексики, от пренебрежительного «ты» до откровенного запугивания. Эти, не терпимые в культурном обществе вещи показывают, насколько изменился характер новых абонентов, получивших вместе с властью и служебный телефон. Нехватка элементарных знаний и просто невоспитанность привели к постоянным поломкам аппаратов и повреждению телефонной сети. Для таких абонентов приходилось то и дело повторять очевидное – под давлением страха и унижения. Составителям справочника, в большинстве своём выходящим из пролетарской среды, это, видимо, не претило. Но и они порою смущались и для отдельных страниц делали исключения: «Простят абонентов об осторожном обращении с аппаратами».

Новая власть оценила пропагандистские возможности радио

ской и теперь вместе собирают заказы. Что ещё хорошо? Да хотя бы и то, что появился Дом работников просвещения и открылся университет. Правда, я никак не привыкну к его названию – Иргосун. Хорошо ещё то, что создали окружную физкультурный совет – спорт перестанет теперь быть делом частным, то есть, собственно, никаким. Недавно открылся Дом матери и ребёнка, да и подотрядков-беспроходчиков не держат уж месяцами в участке, а прямо распределяют по детским домам. Причём один из них открыл специально для глухонемых.

Но лично меня всего более радует «Добролет», управляющий местными воздушными линиями! – Казимир Войцехович рассмеялся. – У него аэрогидротанция на берегу Ангары, так я там все воскресенья и пропадал, если нет занятый в Обществе друзей радио. Да и туда записался главным образом потому, что при нём бюро радиоустановок, а значит, можно делом заняться, интересным и полезным.

– Советская власть делает ставку на радио?
– Ещё какую! Годовой абонемент составляет всего 50 копеек, если установлен обычный детекторный радиоприёмник. А подключение обходится в 5 рублей, и очереди нет почти никакой. Я даже думаю иногда, что наше Общество друзей радио с этой целью и создали, но в этом нет ничего плохого, ведь верно? Сейчас слово «радио» вообще на слуху: кто-то служит в радио-батальоне, кто-то – на радио-телеграфно-телефонном узле, кого-то приняли на радиоприёмно-передаточную станцию, а кого-то – на радиотелеграфный центр. Причём, каждому радиотехнику ставят служебный телефон на квартире. И все техники очень довольны нынешней властью. В общем-то, их можно понять: ребята всё молодые, без груза воспоминаний. И им совсем не обидно, что в Качуг и Жигалово теперь возит «Лена Гольдфильдс лимитед» – дорожный консьержер.

– А как теперь называется улица Басинская? – спросил Швабе на прощание.
– Я её называю по-прежнему. Не хочу привыкать.
И это тоже привыкает Казимир Войцехович через несколько лет, когда начнутся большие репрессии.

Валентина Рекунова

